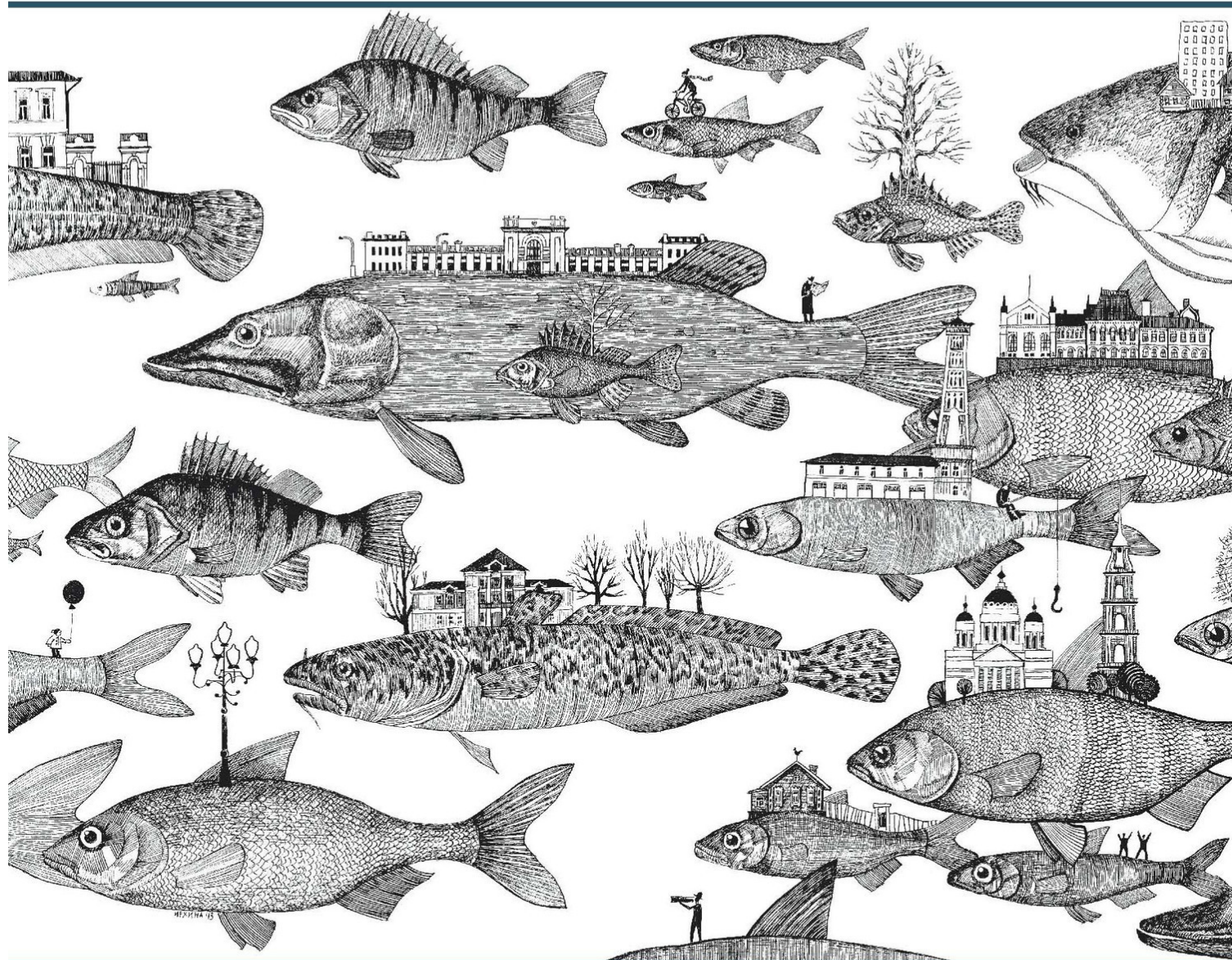

Евгений Ермолин

РЫБИНСК

Портрет города в 11 ракурсах

Евгений Ермолин

**Рыбинск. Портрет
города в 11 ракурсах**

Арт-Холдинг «Медиарост»

2013

УДК 908(470.316)
ББК 26.89(2Рос-4Яро)

Ермолин Е. А.

Рыбинск. Портрет города в 11 ракурсах / Е. А. Ермолин — Арт-Холдинг «Медиарост», 2013

ISBN 978-5-906070-09-8

«Исторический Рыбинск удивителен, неповторим и невозвратим. В нем случилась важная и значительная кульминация человеческого бытия на русском просторе. Как замечательно выразился мыслитель начала XX века Василий Розанов, Рыбинск – узел волжской жизни, отмеченной огромною деятельностью, которая несравненно изящнее, красивее и одухотвореннее, чем в низовьях великой реки...»

УДК 908(470.316)

ББК 26.89(2Рос-4Яро)

ISBN 978-5-906070-09-8

© Ермолин Е. А., 2013

© Арт-Холдинг «Медиарост», 2013

Содержание

Введение	5
Глава 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Евгений Анатольевич Ермолин

Рыбинск. Портрет города в 11 ракурсах

Введение

Исторический Рыбинск удивителен, неповторим и невозвратим. В нем случилась важная и значительная кульминация человеческого бытия на русском просторе. Как замечательно выразился мыслитель начала XX века Василий Розанов, Рыбинск – узел волжской жизни, отмеченной огромной деятельностью, которая несравненно изящнее, красивее и одухотвореннее, чем в низовьях великой реки...

Город был глубоко травмирован в XX веке. В какой-то момент могло показаться, что в нем не осталось ничего, что связывает его с прошлым, кроме ветшающих архитектурных декораций. Да и его обнадеживающее будущее было по крайней мере дважды, в 1920-е – 1930-е годы и на рубеже XX–XXI веков, под большим вопросом. Чехарда переименований города в минувшем веке является внешним знаком угрожающего беспамятства. Но, несмотря ни на что, Рыбинск сохранил свое исконное имя. Может быть, вместе с именем наследуется и сущность, как знать. Не обрывается и не затухает судьба.

Современный Рыбинск думает о будущем как о чем-то, что может случиться, что состоится. Но вспоминает и о прошлом. Возможно, именно поэтому в нем, наконец, начала воссоздаваться и прирастать органическая ткань городской жизни.

Леса, горы и воды существуют извечно, безначально. Город рождается в результате творческих усилий человека. Это продукт воображения и работа рук многих людей, которые живут по-разному и думают по-разному, и могут ни в чем друг с другом не совпадать. Город – памятник человеческому разнообразию. По словам поэта, *«Исполнен город безразличья К несовершенствам бытия»*:

*Он создал тысячи диковин
И может не бояться стуж.
Он сам, как призраки, духовен
Всею тьмой перебивавших душ.*

Это искусственная и искусная среда, торжество замыслов, проектов, сбывшееся предсказание. Но это, возможно, и какая-то правильная догадка – о том, что возможно, чему суждено было состояться вот здесь, на этом самом месте.

Есть какая-то правда в идее нашего современника, англичанина Питера Акройда, автора знаменитых книг о Лондоне и Венеции: у него город – живое существо, непостижимое, гигантское, бессмертное. Эта жизнь не зависит уже от нас, она длится в истории сама собой, она брошена на ландшафтный простор, в ней есть публично-социальные и сокровенно-личные аспекты. Она связана с земным и с небесным. И *«мы в любом случае должны видеть в нем организм, подобный человеческому, со своими собственными закономерностями жизни и роста»*. Переулки города подобны капиллярам, парки – легким. И даже так: город *«ненасытен и плотояден, охоч до людей, жратвы, товаров и питья; он потребляет и испражняется, движимый неутихающей жадностью и вечным возжеланием»*.

А один из самых ярких интеллектуалов за всю историю Рыбинска Алексей Золотарев напишет о своем городе: *«С позиции единства Вселенной город – это часть планеты, место, куда идут творческие толчки со всего мира, где возможно постигать и изучать всю Вселенную»*.

Впрочем, прямого подобья Рыбинска Лондону или иному какому-то городу нет и быть не может. Даже если мы дегустируем иногда переключку с Чикаго, американским мегаполисом, с которым город на Волге сравнивали охотнее всего. Есть созвучия. Но у каждого города своя судьба, своя биография.

Займемся «описанием» Рыбинска, согласившись с Акройдом еще в одном: биография города *«не может быть подчинена хронологии»*. Город *«предвосхитил построения нынешних теоретиков, предположивших, что линейное время – фикция, порожденная человеческим воображением. В городе сосуществует много различных форм времени, <...> было бы глупо насиловать их характер ради того, чтобы создать традиционное повествование»*. Книга о городе *«по-донкихотски скачет во времени, вот почему она сама образует лабиринт»*...

Полюбить Рыбинск легко. Быть может, труднее объяснить, почему. Но в итоге и появился на свет этот текст.

Его нельзя назвать историей города, хотя исторического в книге много. И отдельно изложены важные события в хронологическом порядке.

Эту книгу нельзя также считать систематическим научным исследованием или определить как путеводитель.

И она уж наверняка не репортаж, хотя именно современные впечатления давали повод подумать и о прошлом, и о будущем.

Это попытка передать опыт чувств и опыт мыслей, пережить в слове то, что дается при встречах звуками, красками, образами и перспективами. «Мой Рыбинск», который, однако, мог бы стать и личным событием, и со-бытиём.

Историки и краеведы

У настоящего города есть история. И есть историки. У меня за спиной – предшественники, писавшие о Рыбинске, сначала безвестные (историк-краевед не сразу уходит от средневековой анонимности, не дорожит своим именем); потом поименованные. Нужно сказать о них, об этих особых людях, которые пытались словами передать то, что в городе их вдохновляло, зажигало, заставляло любить и ненавидеть.

В конце XX – начале XXI века изучение Рыбинска набирает обороты. Можно, пожалуй, говорить о настоящем расцвете местного регионоведения. Труды ведущих краеведов, публикации музейщиков, журналистов сделали возможной и эту книгу, которая отчасти основана на их материалах, а отчасти вдохновлена их работами. Автор книги благодарен всем тем, кто входит в эту плеяду, кто заочно или очно помог разобраться в рыбинских сюжетах. Признавая, что могу кого-то и забыть, назову все-таки тех, кого помню: Н.М. Алексеев, А.Е. Асарин, Е.П. Балагуров, Т. Бикбулатов, Н.Н. Бикташева, Н.С. Борисов, В. Бородулин, С.Н. Будилкова, Л. Гаврилова, О. Гржибовская, М.С. Емельянова, Л.Б. Иванова, Л.М. Иванов, О.Б. Ионова, А.Б. Козлов, Н.Е. Коновалова, И.И. Кочуев, Г.Д. Левина, Л.М. Марасинова, А.В. Михайлов, Г.Б. Михайлова, М. Морозова, Ю. Муратова, Е.В. Овсянкина, С.Н. Овсянников, А.К. Павлов, Н.А. Петухова, М.А. Портер, В.А. Прокофьева, Е.С. Розов, А.В. Романова, Д.В. Романов, А.Н. Рыкунов, И.И. Рыкунова, В.И. Рябой, Е.В. Смирнова, В.Л. Стужев, И.Л. Хохлова, Е.А. Цешинская, Ю.И. Чубукова, М.И. Шакурова, а также А.Ю. Данилов, Я.Е. Смирнов и др.

А вообще рыбинская историография возникает в конце XVIII века, на волне пробудившейся в российской провинции общественной инициативы. Кончался летописный период в истории описания России, местная, рыбинская, традиция которого, увы, отсутствует.

В эпоху просвещенной монархии Екатерины II государство обнаружило интерес к познанию страны, ее характера, ее богатств, ее возможностей. Правительство рассылало анкеты, на местах описанием занимались преимущественно чиновники. В Ярославской губернии, куда входил Рыбинск, такая работа развернулась под руководством наместника Алексея

Мельгунова в 1777–1779 годах. Тогда, по мере сбора и обобщения материала, историко-географические очерки городов печатались в местном журнале «Уединенный пошехонец». Предполагают, что первые описания Рыбинска выполнил губернский землемер капитан Николай Григорьевич Арцибашев.

Описания городов будут производить на протяжении всего XIX века. Известны описания Рыбинска 1802–1810 годов (составленное уездным землемером Дмитрием Михайловичем Аладьиным) – и 1811 года, неизвестного автора (по публикации Давида Золотарева, 1910). Но развивается и неофициальное краеведение, авторское описание примечательных городов. Мало-помалу у государства инициативу перехватывает общество. Запросы государства оказались локальными и слишком прикладными, чтобы ими удовлетвориться, а на местах возникает любопытство, желание очертить своеобразие местной жизни. В поле внимания краеведа попадают событийная история, человек в его индивидуальных чертах, быт, нравы, фольклор, искусство, экономика (коммерция, мануфактуры, ремесла, промыслы), специфика местного управления, природные особенности, климат, качества ландшафта...

О Рыбинске в XIX веке пишут и горожане, и приезжие гости. В 1837 году протоиерей Матвей Гомилевский на средства городского головы Федора Тюменева издал в Петербурге «Описание города Рыбинска». С начала 1830-х годов местом публикации краеведческих материалов становятся «Губернские ведомости» (их неофициальная часть). Здесь публикуются статьи и документы по местной истории и этнографии. Из Рыбинска в газете публиковался учитель русского языка в городском училище И.С. Зимулин, выпускник Московского университета.

Первый рыбинский «путеводитель» написан стихами. Это опубликованная в 1857 году поэма «Путеводитель по Ярославлю и Рыбинску. Стихотворение и труды крестьянина Фёдора Филипповича Смурова», посвященная «землякам-ярославцам». Автор сочинил косноязычно-субъективный панегирик. Он восхищается процветанием города и размахом рыбинской торговли:

*Город Рыбинск в полном блеске,
На веселом стоит месте,
В нем коммерция пространна
И миллионные дела,
И народ сюда из дальна
Волга в гости зазвала.*

Больше всего внимания в Рыбинске Смуров уделяет возможностям весело провести время. Его восторгают городские театр, бульвар и дача:

*Это что же за огромность
На широкой площади!
Наш театр и вся удобность;
Вон афиши, погляди...*

Рядом с бульваром продают апельсины и мороженое. Да и в целом

*Город Рыбинск процветает
Особливостям своим
И невольно заставляет
Нас полюбоваться им.*

Полезным оказывается и взгляд извне. Первым из сторонних наблюдателей Павел Сви́ннин, ярославский помещик и путешественник по Америке, петербургский писатель, художник и основатель журнала «Отечественные записки», опубликовал там в 1826 году статью о Рыбинске как крупнейшей в России внутренней гавани. Впоследствии о Рыбинске писали губернский чиновник Иван Аксаков, педагог Константин Ушинский, землец Флегонт Арсеньев, журналист Георгий Устинов... да кто только ни писал! В 1890 году издал книгу о городе ярославец Константин Головщиков.

В XIX – начале XX веков расцвет краеведения был связан с земским движением. Стремление к объединению усилий привело к созданию губернских ученых архивных комиссий (ГУАК). На рубеже веков в России появляются и местные историки крупного масштаба. К сожалению, досоветский Рыбинск не дал такой значительной и мощной фигуры. Интерес к освоению Рыбинска как феноменального явления на карте страны просыпается в эти годы только эпизодически. В ярославскую ГУАК входили непреременный член рыбинской землеустроительной комиссии Владимир Прасолов, рыбинский уездный предводитель дворянства Илиодор Хлебников (кстати, родственник известного журналиста рубежа XX–XXI веков Пола Хлебникова), а также епископ Сильвестр (в качестве почетного члена).

Интерес к изучению местной старины принял в городе оформленные выражения лишь к 1920-м годам. Тогда в рыбинском просвещенном кругу получают особое значение опыты краеведения. Неслучайно именно здесь в 1919 году прошел первый в стране краеведческий съезд. А потом были еще несколько. Краеведение самоопределяется как движущая сила местного, низового гражданского общества, как инструмент регионального, местного, областного, городского самосознания и средство объединения культурных деятелей, развития стимулов местного патриотизма. Но в новой исторической ситуации, после 1917 года, краеведение стало фактором консервации истории, которую, по сути, отвергал утопический советский проект светлого будущего. Новый мир не нуждался в ретро-ностальгии. 1930-е годы начались арестами сотрудников музея, обвиненных в приверженности *«реакционной идеалистической идеологии»*. Для нас теперь этот приговор – скорее комплимент. Но многие местные историки погибли или замолчали.

Между тем, задачи привнесения в местную историю смысла далеко не устарели и продолжают стоять на повестке дня в современных краеведческих трудах. Пробуждение местной краеведческой темы связано с очерковыми книгами Михаила Рапова, Бориса Носика, появившимися в 1960-е годы. А новый подъем краеведения начинается в 1990-е годы. Бурное развитие местной истории в самых разных направлениях предъявило разные подходы и дало панораму реанимированных материалов о жизни Рыбинска. В результате многое изучено неплохо: бери и цитируй. Но есть и явные лакуны, так что временами материал приходится собирать по крупицам. И не всегда удается достичь полноты и цельности. Замечу также, что говорить о современности в полном объеме нужно специально и отдельно, поэтому неостывшие актуальные материалы будут привлечены избирательно.

... Ты знакомишься с городом и горожанами, пробуешь его на вкус, касаешься его камней, вживаешься в него – и начинаешь его понимать, чувствовать. Начинаешь думать о нем как о месте судьбы или встречи.

Поразмыслим о Рыбинске вместе.

Глава 1

География и ландшафт

Причал на великой реке. Окно на восток и на запад. Старый город и новые города.

Города встречают путешественника по-разному. В Рыбинск нужно въезжать по воде – и тогда он приветствует гостя парадной анфиладой зданий вдоль Волги, пусть и лишенной столичного безупречного блеска, но имеющей очень убедительную сдвоенную кульминацию – Собор и Биржу.

Писатель-классик Иван Гончаров в своем очерке странствий заметил: отсюда, от Рыбинска, начинается средний плес и уже ощущается *«могучее дыхание Волги. Здесь чувствуется вся красота и сила речной природы: пение птиц и сильные грозы, восходы солнца и вечерняя тишина, свежесть и зелень прибрежных лесов и роц»*.

Рыбинск истари причастен водной стихии. Город и река слиты нераздельно. Их брачный союз в истории и порождает тьму артефактов – событий, коллизий, прецедентов. Супружеская чета, скульпторы Сергей Шапошников и Вера Малашкина, создала аллегория Волги, которая замыкает город с запада, как будто кариатидная ростра-богиня на носу огромного корабля, входящего в море. Как на ярославском гербе медведь поставлен на службу, так и тут Волга призвана, чтобы не господствовать, а служить великим, пусть несбыточным планам, про которые осталось напоминание на постаменте. Там начертаны слова: *«Коммунизм – это есть Советская власть плюс электрификация всей страны»*.

Город довольно широко и небрежно разбросан на невысоких холмах по берегам рек, среди вод, полей и лесов. В черте города протекают Волга, Шексна, Черемуха (в старые времена – Черемха), а также речки Коровка, ее приток Дресвянка, Гремячевский ручей у Софийского монастыря, Уткашь (у Копаева), Крутец, Фоминский ручей (у завода гидромеханизации), ручеек Гарманица (в Веретье). Речка Заструйка, бывшая когда-то западной границей города, давно уже течет по трубе.

Остальное – частности, по крайней мере до второй половины XX века, когда индустриальная эпоха назначила в союз Рыбинску другую главную стихию – воздух.

В мае 1914 года мальчишкой приехал в Рыбинск Дмитрий Лихачев, ставший много лет спустя академиком. А пока что он с семьей предвоенной весной пересел здесь с поезда на пароход. Лихачев вспоминал: *«Волга тогда была другая, чем сейчас. Я уже не говорю о том, что она была без «морей» и разливов, без плотин и шлюзов. На ней было множество мелких судов разных типов. Буксиры тянули канатами караваны барок. Сплавлили лес плотами. На плотках ставили шатры и даже маленькие домики для плотогонов. Вечером ярко горели костры, на которых плотогоны готовили пищу и у которых сушили выстиранную одежду. <...> Раза два-три встретились красавицы «беляны». Беляны назывались так потому, что они были некрашеные. Бель – это некрашеное дерево. Эти огромные высокие барки плыли по течению, управляясь длинными веслами. <...> Волга была наполнена звуками. Гудели, приветствуя друг друга, пароходы. Капитаны кричали в рупоры, иногда – просто чтобы передать новости. Грузчики пели.*

Существовали специально волжские анекдоты, где главную роль играли голоса кричавших друг другу с больших расстояний людей, плохо и по-своему понимавших друг друга. Но были и детские байки, и звукоподражания. Помню такое «звукоподражание» перекликающимся друг с другом петухам. Первый петух кричит: «В Костроме был!». Второй спрашивает: «Каково там?» Первый отвечает: «Побывай сам». Этот «диалог» довольно хорошо передавал по интонации петушину перекличку.

А вот сцена, которую я сам наблюдал. Была она в духе Островского. Сел к нам на пароход богатый купец, не устававший хвастаться своим богатством. Встречающиеся плоты он приветствовал, приложив ко рту ладони рупором: «Чьи плоты-те?» С плотов ему непременно отвечали: «Панфилова». Тогда купчишка с гордостью оборачивался к стоявшей на палубе публике и с важностью говорил: «Плоты-те наши!» <...>

Много на Волге пели. Песни слышались и с берега. Пели и на нижней палубе, в третьем классе: пели частушки и плясали. Мать не вынесла, когда плясала беременная женщина, и ушла вместе с отцом. Вдогонку беременная плясунья спела нам частушку об инженерах (отец неизменно носил инженерскую фуражку; поэтому плясунья и узнала его профессию).

На пристанях грузчики («крючники») помогали своему тяжелому труду возгласами и пением. Помню, ночью тащили из трюма (пароход был грузо-пассажирский) какую-то тяжелую вещь; грузчики дружно в такт кричали: «А вот пойдет, а вот пойдет!» Когда вещь сдвинулась, дружно кричали: «А вот пошла, а вот пошла, пошла, пошла!» <...>

Волга производила впечатление своей песенностью: огромное пространство реки было полно всем, что плавает, гудит, поет, выкрикивает. В городах пахло рыбой, разного рода снедью, лошадьми, даже пыль пахла почему-то ванилью. Люди ходили, громко разговаривая или перебранываясь, торговцы выкликали свои товары, заманивали покупателей. Мальчишки – продавцы газет выкликали их названия, а иногда и заголовки статей, сообщения о происшествиях. На рынках встречались персы, кавказцы, татары, калмыки, чувашки, мордвинки – все одетые по-своему, говорившие на своих языках...».

Сухопутные связи Рыбинска неоднозначны. Посмотрим на карту. 80 километров до Ярославля, 360 километров до Москвы и вдвое больше – до Петербурга.

Как второй презентабельный фасад Рыбинска в начале XX века задуман был в помпезно-живописном вкусе железнодорожный вокзал, связавший город с Петербургом, потом Ярославлем и Москвой. Питерские матросы приехали сюда в 1918 году и произвели революционный захват города. Здесь и теперь железнодорожная станция Рыбинск-пассажирский, принимающая дальние и пригородные поезда.

Силой традиций Петербург кажется многим рыбинцам ближе и даже, кажется, роднее Москвы. Почти как старший брат. Как и Петербург, Рыбинск обращен на запад, и волжский мост здесь – это очевидный аналог Троицкого моста в Питере: как с того открывается лучшая в России городская панорама на запад солнца, так и здесь вечерний вид с моста дает сильные ландшафтные впечатления.

Однако в XX веке сухопутная Москва победительно распространила свое влияние повсеместно, и Рыбинск сдался ей. Впрочем, на свой манер.

Имея привычную связь с обеими российскими столицами, Рыбинск в то же время заглядывает на восток и юго-восток – в щедрое Поволжье, на Урал и в богатый ресурсами западно-сибирский и печорский края. Это его восточная периферия, богатые страны сумеречной Азии, откуда приходит в Рыбинск ночь.

И еще одно понятно с самого начала: Рыбинск – не просто локальный центр местной округи, уезда или района, а хоть бы и губернии, как абсолютное большинство других российских городов, ближних и дальних. Это и центр, и провинция, и нечто третье. Характерно, что при создании здесь автовокзала репрезентативная задача даже и не ставилась: контакты города с прилегающей округой никогда не рассматривались здесь как приоритетные, а потому и здание получилось совсем уж неэффективное.

Рыбинск не разделил с Россией проблему замкнутости регионов на себя. «Территория РФ – совокупность почти замкнутых ячеек. Пространство несплошно. Стыки ячеек – глушь и запустение», – замечает современный географ Владимир Каганский. А в 1836 году министр внутренних дел России Дмитрий Блудов сокрушенно писал: «Большая часть наших уездных городов служит только центральным пунктом для управления. Они избраны были по сообра-

жениям лишь удобств в сем отношении и, не находясь при судоходных реках, больших дорогах, не имея никаких торговых выгод, служат единственно для помещения мест управления, и вся промышленность их ограничивается удовлетворением потребностей уездных чиновников, уступая иногда торговле какого-либо вблизи лежащего селения». Города складывались как проводники государственной политики и за счет ресурсов, накопленных государством, имели обычно характер военно-административных центров, предназначенных для защиты территории и дальнейшей колонизации. А вот суть и роль Рыбинска, его миссия и вклад – абсолютно иные.

Администрация и оборона становились часто уделом Ярославля, а Рыбинск извечно – центр коммуникаций, неизбежный полюс притяжения на живых торгово-обменных путях с востока на запад, с севера на юг – и в пространстве культурных контактов, если только политические обстоятельства тому благоприятствовали. Он имеет богатый опыт гражданской активности горожан, склонных к предпринимательству, к самоуправлению, к участию в рыночных процессах, к творческой самореализации в жизненных перипетиях и развитию социальной среды.

Заметим еще, что на региональном уровне пара Рыбинск – Ярославль отчасти воспроизводит давнее культурное противостояние Петербурга и Москвы. В Рыбинске часто хотят видеть восточный Петербург, «местный Петербург» в паре с Ярославлем, как «местной Москвой». Невозможно вообразить Рыбинск просто филиалом, городом-спутником Ярославля. Они полярно сопоставлены, и энергетическая дуга между ними искрит. Это соперничество и содружество имеет энергетический заряд, пусть и не самый сильный, но вполне продуктивный.

Бодрый, энергичный, деятельный, организованный Рыбинск, *город деловой суеты*, – и нередко флегматичный, часто небрежный и рассеянный Ярославль с его медитативным городским центром... Характерно же, что три последних ярославских губернатора – выходцы из Рыбинска?..

Однако в Ярославле тоже немало питерского, и наша антитеза в полном объеме работает далее на восток, в сторону еще недавно полусонной Костромы и дремотной Кинешмы, пока не иссякнет в преддверии Нижнего Новгорода – восточного города-эха русской Европы: Новгорода, Пскова, Петербурга. А в вершинных художественных выраженьях иногда даже происходит ярославско-рыбинская рокировка.

Водораздел проходит там, где в Ростове, Угличе и других старых ярославских городах – столицах полусуверенных княжеств – дает о себе знать древняя память о государственной независимости или полузависимости, где говорит мощный культурно-религиозный пласт. Рыбинск же – город преимущественно новый, открытый скорее будущему, чем прошлому. Не город-музей, а креативный центр, (потенциально) проективное ядро региона, полигон для творческих экспериментов.

Размах этой деятельности в современном открытом мире может быть сколь угодно глобальным.

Рыбинск – внутренний порт, волжский причал

Здесь сливаются воды Волги, Шексны и Черемхи. Волга – главная улица. И она уже широка здесь, от полукилометра до почти километра в разных местах. С того, что город всем обязан рекам Волге и Шексне, начинал свой рассказ о городе протоиерей Матвей Гомилевский. Солидарен в этом с ним другой основоположник регионального краеведения, Константин Головщиков, особо подчеркивавший значение Волги-Матушки. Тут нельзя быть оригинальным.

Само имя Рыбинска выдает прямую и откровенную связь города с водной стихией. Да и общий характер места определяется именно отношением к Волге; мы говорим: Поволжье, Заволжье, Верхневолжье...

Великие реки вынянчили древние цивилизации. Им многим обязаны народы и племена, проживающие на берегах. Река в аграрно-промышленной цивилизации – источник жизни. Важны реки на Русской равнине и в связи с ее хроническим бездорожьем и регулярной распутицей. По реке можно было передвигаться на дальние расстояния, налаживать торговые связи.

Веками человек был вписан прежде всего в природные циклы, связанные с жизнью реки. Здесь «люди как реки». Сезонная цикличность жизни реки определяет цикличность и человеческой жизни. Волга тут замерзала обычно в середине ноября, а трогался лед около самых последних чисел марта по старому стилю, причем ледоход длился неделю, а то и больше. Навигация, по сведениям из энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, длилась дней 200 в году.

В краю, где нет больших гор, река являла людям наиболее очевидный образ непостижимого величия, бесконечности, неисчерпаемости бытия. Плавание по Волге – одно из главных переживаний, центральный опыт судьбы. Но с ней связаны и немалые опасности.

С другой стороны, исторические перипетии придали образу реки особый колорит. Волга по сию пору считается главной русской рекой, одним из главных национальных символов, она – место, где происходят некоторые ключевые события фольклорной памяти, но и сама персонаж художественных произведений. Реку Волгу поминает под этим именем уже Повесть временных лет, древнейшая русская летопись.

Живущие ниже по течению болгары, татары, мордва и другие народы называли реку иначе. Возможно, в I тысячелетии нашей эры великую реку меряне звали здесь Юл. А имя Волга восходит, скорее всего, к финскому корню *valkea* – «белый, светлый» (возможно, отсюда и Вологда – северный Белгород на одноименной реке; вспомним и про реку Волхов, на которой стоит Великий Новгород, и про тайноведствующих волхвов). Слова «большой», «великий» имеют в своей основе те же согласные Б (В) – Л – К. Издревле Волга несла свои светлые воды, в которых отражались бледные северные небеса.

Кстати, иной раз реку Москву связывают, напротив, с финским словом *musta* – «черная».

А некоторые – и, возможно, не без оснований – видят в имени Волги индоевропейский корень со значением «волглый, влажный».

Добавлю здесь, что, хотя сопровождающие Волгу возвышенности часто переходят с одного берега на другой, но вообще правый берег обычно выше левого. Вследствие этого правый берег обыкновенно называют нагорным, а левый – луговым. Левобережные низменности Волга затопляла во время разливов.

Рыбинск – обернутый образ Санкт-Петербурга: как зеркальное отражение в туманной дали. Это не просто, как принято говорить, *Петербург у голок*. Да, во многих сферах жизни, от экономики, планирования, архитектурного образа до бытового уклада, Рыбинск ориентировался на Петербург. Но важно и то, что Рыбинском Петербург раскрылся на восток.

Генеральная коммуникация России с Западом – дело Петербурга. Петербург, как говорит современный историк, мог в политическом отношении быть окном в Европу, потому, что был с самого начала построен как столица европейской державы. Город воплощал собой архитектурно-бюрократическую утопию. Ничем другим, кроме как такой столицей, он быть не мог. Единственная другая функция, которую он был способен выполнять, была военная. Вот Пушкин и вложил в уста Петру слова о том, что «здесь будет город заложен назло надменному соседу» и «отсель грозить мы будем шведу»: Петербург закрывал устье Невы.

Нева течет на запад, а Волга на восток. Город на Волге рос на грани внутреннего и внешнего; он стал своего рода «Питером внутреннего пользования». Рыбинск – торговая столица

внутренней России. Если Питер – русское окно в Европу, «выход» или «форпост» страны, внешний фронт, то Рыбинск, напротив, – «город для страны», это фронт, влияние которого направлено внутрь, а не вовне, как у Северной столицы, русское окно в Азию. Рыбинск связан и с Русским Севером как очагом духовного сосредоточения и ресурсным центром, и с Востоком. Волжский город-порт – посредник между мировыми и российскими центрами – и мировой и российской периферией. В каких-то важных аспектах он остался таким и сегодня.

Рыбинские связи со страной категорически невоенные. Военно-армейское начало в Рыбинске слабо. Так это, по крайней мере, виделось, когда с низовьев Волги подтягивались в Рыбинск караваны судов, когда город стал хлеботорговой базой столицы, ее внутренним портом и бурлацким исподом, соединившись с нею волго-балтийской водной артерией.

Рыбинск – место, возле которого древние волоки в последние двести лет преобразовывались в искусственные водные коммуникации. Здесь заканчивалось глубоководье Волги – и здесь, при слиянии реки Шексны с Волгой, начинается водная Мариинская система (1808). Вся длина Мариинской системы, от Рыбинска до Петербурга, – 1066 верст.

А по соседству была Тихвинская система (1811), начинавшаяся у города Мологи, при слиянии реки Мологи с Волгой. Несколько далее пролегла от Твери к Петербургу Вышневолоцкая система. И, наконец, система герцога Александра Вюртембергского – главнокомандующего ведомства путей сообщения и публичных зданий и строителя каналов – соединяла Верхневолжье с Белым морем.

После открытия движения по железной дороге город оказался напрямую связан с портами Санкт-Петербурга и Прибалтики, закрепив свой статус самого крупного торгового центра на Верхней Волге.

...Началось это издавна, когда и Питера не было. Здесь нужно говорить о региональных рифмах, и нельзя сразу не обозначить одну, восходящую к самой глубокой древности.

На современной карте Верхневолжья Рыбинску созвучно Поречье Рыбное на озере Неро, селение, которое напоминает нам о старинном Сарском (Царском) городе (в древние времена у арабов оно было известно как Арс или Арса) – средоточии торговли на Великом Волжском пути из варяг в арабы в I тысячелетии нашей эры. Тот город давно забыт и запущен, и обозначает его только станция железной дороги Деболовская, в названии которой смутно угадывается отзвук древнего мерянского ужаса. **Рыбинск – новая Сара.**

Считывая с карты Верхневолжья эти рифмы, остро чувствуешь, как прочны были культурные и социальные векторы в крае. (Хотя последний век здесь многое изменил.) Благодаря Великому Волжскому пути, который связывал Балтику и Беломорье с Хазарией, Персией и Багдадом, Верхневолжье уже с середины I тысячелетия оказалось включено в орбиту мировой, и западной, и восточной жизни.

Море

Середина XX века – это время разгулявшегося воображения. Кажется, можно приручить и поставить на службу ландшафт, среду. Не ждать милостей у природы, а взять их у нее силой. Подчинить себе не только историю, но и географию, освоить и переделать мир. *«Природу научим – свободу получим».*

Так в юго-восточной части Молого-Шекснинской низменности, где когда-то в ледниковый период уже было озеро, появилось рукотворное Рыбинское море. Рыбинск стал приморским городом. Или, по крайней мере, приозерным. Сооружения гидроузла перекрыли русло Волги выше устья Шексны и саму Шексну у ее устья. Рыбинское водохранилище затопило долины левых притоков Волги, Шексны и Мологи и низкое междуречье между ними.

С появлением в окрестностях города рукотворного моря-озера рифма Рыбинска с Петербургом стала еще ощутимей и наглядней. Рыбинское море уже обещает Балтике путешественнику с востока. Как если бы Финский залив продлился вдруг далеко на восход солнца.

Но и разница стала чувствоваться острее. Дело не только в том, что это море замкнуто на западе Весьегонском и Брейтовом, ни разу не обещая нам ни Лондона, ни Амстердама. Это фактор второстепенный, ведь так же устроены-расположены приозерные Псков и (отчасти) Новгород Великий, еще два неблизких, но явных родственника Рыбинска (и, кстати, третий, «до комплекта», – решительно захиревший Галич Мерский на севере Костромской области, когда-то очень давно задушенный в московских объятиях). Усугубилось и сходство с Чикаго, находящимся на озере Мичиган, сходство, о котором много говорили в прежние времена.

Рыбинское водохранилище – один из крупнейших искусственных водоемов мира. Сравним. Площадь его зеркала составляет 4 550 кв. км (это по размерам два с лишним великих герцогства Люксембург или почти три лондонских мегаполиса!), полный объем вод – 25,4 млрд куб. км. Больше – только в Африке. Самым большим по площади зеркала и по объему воды (204,8 млрд куб. км) сейчас считается водохранилище Виктория (Оуэн-Фоле) в Восточной Африке (Уганда). В его состав входит и озеро Виктория (68 000 кв. км), уровень которого поднялся на три метра в результате сооружения в 1954 году плотины Оуэн-Фоле на реке Виктория-Нил. Второе место занимает водохранилище Вольта в Западной Африке: его площадь зеркала составляет 8482 кв. км. Братское водохранилище в России, на реке Ангара, следует за Викторией по объему воды (169,3 млрд куб. км).

Прикладная роль моря двояка. С одной стороны – дальнейшее совершенствование водных коммуникаций, начатое каналами. Уже в начале XX века была осознана проблема мелководий, препятствовавших водному грузопотоку. Впервые, как говорят, план строительства плотин был представлен в 1903 году на съезде инженеров-гидравликов. Рыбинский гидроузел должен был обеспечить движение судов по Волге. Но реализовали план в совсем других исторических декорациях, в СССР.

Море помогло улучшить условия судоходства, позволив забыть о проблемах, с которыми прежде перебирались суда через верхневолжские мели и перекаты. Прошли времена, когда крупные суда и баржи могли проходить на этом участке Волги только в период весеннего половодья. Волга становилось судоходной до Твери (а для мелких судов до Ржева).

По новому каналу Москва – Волга появлялась возможность более короткого (по сравнению с окским путем) провоза грузов в Москву. А по Шексне можно было обеспечить крупное судоходство до Санкт-Петербурга (Ленинграда) через Белоозеро. После оборудования новой водной коммуникации от Астрахани к Москве (через канал Москва – Волга) Рыбинск окончательно потерял роль питерского ключа к Востоку. Да и упадок Петербурга, потерявшего в XX веке столичный статус и имя, ударил по Рыбинску. Кроме того, Рыбинск все же оказался не единственным городом, который был транзитной станцией на пути с Востока. У него не было на эти дела монополии. Здесь и Одесса, и Казань, и даже Москва перехватывали инициативу.

Море должно было дать двойную отдачу. Вторая цель его создания казалась не менее важной. Его вода, переработанная турбинами ГЭС, становилась источником электроэнергии. А электрификация, напомним, по тогдашней формуле, – залог светлого будущего, ради которого ничего не жалко. Электрическая мечта привела к гибели Мологи. Молодые проектировщики во главе с профессором А. Рахмановым из треста «Гидроэлектрострой» предложили увеличить напорный уровень верхнего бьефа Рыбинского водохранилища на четыре метра сверх плана – ради повышения производительности ГЭС. Это привело к двукратному увеличению затопленных земель и к созданию второй по мощности ГЭС в СССР (после Днепрогэса). Большая площадь водохранилища обеспечила турбинам высокую мощность. Впрочем, энергетическая значимость этой ГЭС оказалась преходящей.

От Владимира Дебольского, ученого из Института водных проблем Академии наук, журналистка Юлия Муратова узнала легенду. Когда проект, предложенный неким практикантом, не был одобрен опытными инженерами, его автор начал строчить доносы. В результате двое спецов были осуждены как враги народа, проект же практиканта был принят к реализации. Автору, согласно легенде, это не принесло, впрочем, удачи. Во время строительства ГЭС он был арестован и расстрелян...

Что же касается нового моря (*«самого большого в Европе искусственного водоема»*, как говорят эксперты), то оно имело много последствий. Раскрывались эти последствия – исторические, социальные, климатические – постепенно.

В 1941 году на Волге и Шексне в районе поселка Переборы была закончена постройка дамбы, плотины и шлюза. Весенние воды стали заполнять котловину. Наполняли водохранилище до 1947 года. Вода в Волге выше Рыбинска была поднята на 18 метров. Образовалось озеро шириной до 60 километров со сложной системой заливов, полуостровов и островов. Береговая линия Рыбинского водохранилища достигает длины 1 724 км.

Котловина озера все еще находится, как считают, в стадии формирования. Дно там неровное; оно сохранило следы русел протекавших здесь когда-то рек и ручьев, озер, грив и бугров. Средняя глубина водохранилища – 5,6 метра, а наибольшая едва достигает 25 метров. Большие глубины чередуются с подводными мелями в два-три метра. Эти мели обычно представляют собой лесные вырубki. Всплывающие торфяники образовали острова. В первые годы существования моря их взрывали, чтобы торф не забивал турбины ГЭС, потом перестали.

После весеннего наполнения водохранилище постепенно «срабатывается», теряет воду по графику работы гидроэлектростанции. К концу марта его уровень достигает самых низких значений. После строительства угличской и рыбинской плотин остались в прошлом и великие весенние разливы, запечатленные на фотографиях начала XX века: то, что не затоплено совсем, подтоплению не подвергается.

Море замерзает на несколько дней позже, чем Волга и Шексна. Воды хорошо прогреваются и перемешиваются летом, в июле температура воды достигает 19–22 градусов. Вскрывается море также дней на десять позже.

Уже упомянутый эксперт-«рековед» Владимир Дебольский считает, что водохранилище имеет полезное экологическое значение. Работая как отстойник, оно очищает воду и делает ее более-менее пригодной для жизни человека. *«И первым таким фильтром в истории Волги стало Рыбинское водохранилище»*. Для ученых-биологов Рыбинское море – научная лаборатория, поле для экспериментов, которыми занимаются сотрудники Института биологии внутренних вод Академии наук в Борке и Дарвинского заповедника. Недурна бывает и рыбалка в море.

Но за все это, как выяснилось, нужно платить. В междуречье Волги, Мологи и Шексны было немало заливных лугов с богатым разнотравьем, обеспечивавшим развитие эффективного животноводства. Теперь их нет. На затопленной в середине XX века территории находились город Молога и еще около 600 селений. При образовании водохранилища был перенесен на новое место Весьегонск, сильно пострадали Мышкин, Брейтово, Пошехонье и Череповец.

Отцы ели виноград, а у детей во рту оскомина. Происходит размыв берегов и стал огромной проблемой для Рыбинска, сделав актуальной задачей укрепление береговой полосы и борьбу с подтоплением. Проект строительства ГЭС не предполагал берегоукрепительных мероприятий, а необходимость в них очень скоро обнаружилась. У государства вечно не хватало денег. Как говорят, Рыбинск боролся за свои берега почти двадцать лет, в это вложено несколько миллиардов рублей.

«Исследования Рыбинского водохранилища показали, что климатические условия над его акваторией существенно отличны от тех климатических условий, которые были здесь прежде. <...> скорость ветра над акваторией водохранилища почти в два раза больше, примерно на 10 % возросла влажность воздуха». Большие размеры водохранилища и сильные

ветры способствуют развитию сильного волнения вод. Высота волн достигает двух-трех метров.

Водоохранилище влияет на микроклимат – лето становится холоднее, зима мягче. Климат в городе своим капризным непостоянством и свежестью ветров стал похож на приморский. Зимой в нижний бьеф ГЭС поступает более теплая, чем в естественных условиях, вода, от которой образуется полынья. Значит, неизбежны повышенная влажность, туманы, сырость. Люди начинают болеть.

Появление моря и ГЭС стало социальным фактором. Сталинская эпоха превратила Рыбинск в одну из столиц Гулага и добавила в состав жителей города и мологжан, и ссыльных, и просто разных людей, сорванных с места вихрями сурового времени. Большинство жителей города Мологи переселились в Ново-Лосевский поселок, выросший около левобережного Слива. Впоследствии его иногда называли даже «Новой Мологой». Блогер-краевед Валентина Холодова рассказывает: *«Один из моих знакомых, проживший большую часть жизни «за Волгой» (так все рыбинцы называют часть города, расположенную на левом берегу Волги, в противоположность основной, правобережной), вспоминает:*

– Да, там, за Волгой, почти одни могожжане жили. Отличались они сразу – угрюмые в основном, неразговорчивые. Дома там стоят бревенчатые, перевезённые оттуда, из Мологи. Многих я знал. Может, из-за этого и рыбинцы такими стали... другими.

– Другими? Вы о том, что Рыбинск «Неулыбинском» стали называть?

– Ну да».

Старый город и новые города

Городское пространство связывают длинные улицы и мосты, переброшенные через реки. Крестовая улица с ее продолжениями пронизывает Рыбинск с востока на запад, объединяя разные части города. Особые акценты задают мосты. Самый красивый в Верхневолжье – рыбинский мост через Волгу (архитектор Евгений Уланов): аркада с двумя внезапно вознесшимися свободными дугами. Его строили в два захода, перед войной (не успели) – и в начале 1960-х годов. На западном краю города находится заметный издали комплекс шлюзов (архитекторы Дмитрий Савицкий, Моисей Шпекторов и М. Богданов) и машинного зала Рыбинской ГЭС (архитекторы Дмитрий Морозов и Владимир Мовчан), плотинами перекрывший русла Волги и Шексны. Улановский мост с его изящными дугами легок и звонок, а шлюзы и плотина громоздко-мрачноваты, хотя не лишены каких-то итальянских воспоминаний.

Сильные контрасты – неотъемлемая черта Рыбинска.

В старые времена, по краеведу Марку Портеру, рыбинцы делили город на концы. Был Казанский конец – Стрелка при впадении Черемхи в Волгу, вокруг церкви Казанской Божьей матери. Верхний конец располагался выше центра по Волге у речки Заструйки.

При обзоре современного Рыбинска открывается характерная картина: город членится на локальные пространства разной степени автономности. Город полицентричен.

Сегодня в топографии Рыбинска отчетливо выделяются Старый город, центр, – и новые районы, окраины.

Первый взгляд на город в центре, со стороны реки, оставляет впечатление живописного разнообразия, нарядной красоты. Эта праздничность ощущалась путешественниками в XIX веке. Один из них так передавал свои впечатления, побывав на соборной колокольне: *«...разноцветные кровли кажутся мозаической картиною, высокие храмы, длинные улицы, искусственные садики и бульвары составляют разнообразие картины самое привлекательное; видно все сокровище и вся прелесть Рыбинска».* Здесь соединяются следы осуществленной в конце XVIII века регулярной планировки и застройки центра с накоплениями последующих веков.

Новый образ города создавался в соответствии с регулярным планом 1780-х годов губернского архитектора Ивана Левенгагена. Он должен был воплощать в градостроительных формах работу разума, принцип долга. Однако в гораздо большей степени все же соответствовал новым запросам и амбициям рыбинской гражданской общины. Это здания для семейной жизни и сооружения общественного предназначения.

План времен Екатерины II ландшафтно выражал принцип регулируемого разумом долга. Целью была новая городская среда, соответствующая общественному идеалу просвещенной монархии. Город утопически мыслился теперь как царство разума и социальной гармонии, достигаемой добросовестным исполнением горожанами своих сословно-гражданских обязанностей.

План был четок, логичен, он учитывал волжский ландшафт. Взятые за эталон схемы планировки были заимствованы из Франции и Италии. Предусматривалась привычная для нас, а тогда революционная строго прямолинейная планировка на основе пересечения параллельных и перпендикулярных Волге улиц. На смену стихийной застройке пришли геометрическая правильность кварталов, с обязательной постановкой домов вдоль красной линии улицы или площади. Вводилась одинаковая ширина улиц и переулков на всем их протяжении. Таким образом, городу был задан жесткий схематизм, улицы застроены зданиями, являющими своим видом идею разумной логики, строгого порядка и спокойной гармонии.

В прагматику екатерининского плана переустройства были положены удобство движения пешеходов и гужевого транспорта, а также борьба с пожарами, что особенно важно в городе с деревянными строениями.

План разбивки Рыбинска на кварталы Екатерина II подписала в 1784 году, а осуществлялся с начала 1790-х годов в течение нескольких десятилетий. С этого времени идет частное строительство. Заново разбиваются кварталы, протягиваются прямые улицы, строятся новые здания классицистического облика. Большие пожары, в конце XVIII – начале XIX веков почти лишившие город деревянной застройки, ускорили процесс его перепланировки и застройки на регулярных началах.

За Черемхой по плану учреждалась практически новая часть города, именно там предполагалось поначалу разместить административный центр (присутственные места), что и случилось, однако само здание обветшало уже к началу XIX века.

Рыбинск рос. Но дополнявшийся при расширении городской территории план 1784 года в течение XIX столетия оставался основой развития. Его присутствие угадывается нами и сегодня. В современной планировке центра по-прежнему явственны отзвуки классицистического идеала долга и просветительской мечты о царстве разума, эхо идей мировой гармонии, основанных на рациональности порядка, строя и лада.

Помимо логически выстроенной горизонтали должны были быть еще и вертикали. Характер этих вертикалей очень показателен. С конца XVIII века самым мощным акцентом в панораме города стала соборная колокольня. Матвей Гомилевский писал об этом так: при приближении к Рыбинску *«прежде всего усматривается шпиль владычествующей над городом колокольни, на которой крест и яблоко в чистом воздухе горят золотым огнем»*. Традиционные доминанты Старого города – это также Биржа (символ торгово-финансового процветания) и Каланча. Собственно, лишь последней, возведенной в 1912 году по проекту саратовской фирмы «Грингоф и брат», отметилась вертикально власть. Так сложилось исторически, что вертикальными градостроительными акцентами Рыбинска были и храмы разных конфессий (сегодня как акцент продолжают работать несколько православных храмов и бывший католический костел, построенный в начале XX века в готическом стиле).

Одновременно с планировкой города разрабатывались типовые (образцовые) фасады. Регулярное начало определяло внешний вид отдельных зданий, к плану города прилагался набор образцовых фасадов. Получая разрешение на строительство дома, горожанин обязан

был предоставить план и фасад будущего строения. Хочешь не хочешь, а приходилось встраиваться в эту заданную логику, которая в итоге обеспечивала цельность архитектурного облика города. Впрочем, образцовые фасады применялись в Рыбинске еще и потому, что при нехватке опытных архитекторов готовые проекты облегчали строительную задачу: застройщику можно было выбрать проект, который соответствовал его достатку.

С другой стороны, у нас – как всегда: жесткость требований умерялась слабым контролем и возможностью уклониться от их скрупулезного исполнения. Местные строители копировали постройки Петербурга, Ярославля, Романово-Борисоглебска, но прежде всего – ориентировались на вкусы заказчиков. Получая образцовые фасады, заказчики-купцы и строители обращались с ними вольно. Выбирали, видимо, самые простые в исполнении образцы, хотя и представительные внешне. Каменные в плане мезонины, фронтоны и карнизы заменяли деревянными, колонны – намекающими на них пилястрами.

Большинство домов в центре Рыбинска относят к стилевому вектору *«купеческого ампира»* – вычурно-тяжеловесного, *«неладно скроенного да крепко сшитого, не слишком грамотного, но со своим лицом и характером»*. В линии улиц дома строились не «сплошную фасолью», а с интервалами, разделяясь каменными воротами и изгородями усадеб.

Общественные же сооружения поначалу элементарны. Это лавки. В 1790-х годах строят Хлебный гостиный двор – двухэтажное здание по периметру квартала с открытыми галереями вдоль фасадов, откуда был вход в лавку.

В начале XIX века у рыбинцев впервые возникает намерение привнести в образ города черты столичности. По крайней мере, с этого именно времени архитектура жилых зданий складывается не без участия столичных архитекторов. Преисполнившись амбициями и желая возводить свои дома по лучшим проектам, рыбинские купцы в 1810 году заказали петербургскому зодчему Карлу Росси несколько фасадов. В 1811 году он создал ряд образцовых проектов – около десятка фасадов жилых домов, а также *«фасад каменному гостиному двору»*, *«фасад деревянному гостиному двору для временных ярмонок»*, *«фасад каменной хлебной пекарни»*, *«фасад деревянной хлебной пекарни»*, плюс предложил свой вариант фасада биржи, уже построенной к тому времени по проекту Герасима Петрова. С этим обстоятельством связана местная историко-культурная легенда, которую теперь уже трудно подтвердить или опровергнуть. Считается, что именно архитектурные проекты Росси задали масштаб и образ застройки Рыбинска. Можно полагать, что Росси, мысливший обычно не отдельными зданиями, а ансамблями, подошел и к городу на Волге как к единому художественному ансамблю. Его гармоническое видение городской среды как-то усвоилось на берегах Волги и навсегда отпечаталось в местном ландшафте.

Вид многих других домов, построенных в первой половине XIX века, не повторяет в точности фасады Росси, однако сохраняет заданный им масштаб и ритм. Современный путешественник пишет так: *«...улицы города обрамляли лаконичные жилые здания с изящной отделкой фасадов, а отличительной особенностью Рыбинска были «двухфасадные наугольные дома», которые «закрепляли угол квартала, определяя направление и красную линию двух улиц». Старинные деревянные особняки в резных наличниках называли «красой и гордостью рыбинской архитектуры». Консервативное купечество предпочитало типовую «бесколонную» архитектуру, по их мнению, отделявшую серьезных торговых людей от праздного дворянства»...*

Новейшие исследования фиксируют лишь одно здание, точно построенное по проекту Росси: амбар в усадьбе купца Иконникова на Большой Казанской, 19б. В облике некоторых других домов первой половины XIX века пытались уловить сходство с проектами Росси для Твери. Фасады частных домов, составленные Росси и архитекторами его поколения, были адресованы конкретным заказчикам (Лаврентию Крашенинникову, Михаилу и Алексею Тюменевым, Антипу Сураежникову, Ивану Селетскому и др.), почти всегда это двухэтажные, неболь-

шие дома – то с колоннами или пилястрами по фасаду, то с мезонином и ризалитом по центру, или еще с фронтоном или аттиком, а то и дома с гладким фасадом.

Московские искусствоведы Юрий Герчук и Марина Домшлак в их книге конца 1960-х годов о памятниках Верхневолжья обращают внимание на то, что канон классицизма исходил из четких и строгих приемов скульптурного украшения фасадов. В готовых формах отливались львиные маски, венки, грифоны, пальметки. Располагать их можно было по-разному, не повторяя одну и ту же композицию, меняя ритм узора.

«Типовая» лепнина проникает и внутрь дома. Интерьеры, увы, в городе сохранялись хуже всего, многие утрачены, и за впечатлениями о том, как они могли выглядеть, обычно отправляют в библиотеку на Крестовой, 84 (это бывшая усадьба Ивана Наумова). *«...внутри дом сохранил богатую, чуть-чуть даже по-купечески чрезмерную отделку – расписные потолки <...>, лепные золоченые карнизы – и в классическом и в «готическом» варианте, фаянсовые печи, высокие двери с накладными пальметками, точеные балясины лестницы, а над ней – сплошь покрытую лепными розетками нижнюю поверхность марша».*

Архитектор в этом мире пребывает под властью установленных государством правил и исходит из возможностей заказчика.

Городская дума приобрела два альбома, изданных в Петербурге в 1809–1812 годах и содержащих более 200 чертежей *«высочайше утвержденных образцовых фасадов»*, разработанных архитекторами Василием Стасовым, Алоизием Руска, Вильямом Гесте, а затем и вторую серию образцовых фасадов, подготовленную в 1841–1853 годах архитекторами Иосифом Ивановичем Шарлеманем, Иосифом Иосифовичем Шарлеманем, Николаем Ефимовым, Францем Руска, Константином Ухтомским (кстати, его отец, гравер на меди Андрей Ухтомский, происходит из ярославского духовенства), Василием Морганом и др. Отмена обязательности образцовых фасадов в 1858 году не мешала местным строителям возводить свои здания на основе чертежей и альбомов первой и второй серии.

В дальнейшей застройке старого Рыбинска выделяют работы разных архитекторов.

Одни постоянно жили здесь. В 1836 году в городе появился свой архитектор – Василий Житков. С 1840 по 1870-е годы пост занимал выпускник Академии художеств Петр Уткин, от начала до конца не изменявший своему классицистическому вкусу. Вследствие этого классицизм в городе притормозил и оставался градостроительной доминантой еще и в 1870-е годы, когда в столицах и провинции распространяется нарядная эклектика. В последней трети XIX века в городе много строил архитектор Василий Озерецковский, а в начале XX века – Александр Медведев.

Другие – из Ярославля или Петербурга. Крупные работы в Рыбинске выполняли и ярославские архитекторы: в первой половине XIX века – Герасим Петров, Петр Паньков, позднее Григорий Саренко, Николай Лермонтов. Ряд общественных зданий в Рыбинске был возведен по проектам питерских архитекторов: Авраама Мельникова, Михаила Щурупова, Карла Рахау, Виктора Шретера и других.

Во второй половине XIX века в образ города привносятся модные новости. Эпоха уже чужда единообразию и ищет впечатлений и разнообразия. Заказчик приобретает максимум прав. Он отбирает проект и подчас сильно влияет на его переработку в ходе строительства.

Связаны новости поначалу с веяниями эффектно-нарядной эклектики. Таковы репрезентативные здания новой эпохи: Покровская церковь в Зачеремущье архитектора Василия Озерецковского (1859), Сретенский храм архитектора Михаила Щурупова (1873), строения Софийского женского монастыря (1860–1902), лютеранская кирха (1875), административные здания: отделение Волжско-Камского банка (1870), уездная земская управа (1877, 1912), техническое училище Меркурия Комарова (1897), мужская гимназия, перестроенная по проекту Медведева (1900).

Хорош был новый зимний театр архитектора Виктора Шретера (1879). Строительство театра не обошлось без курьёзов. Отцы города, решив сэкономить, поручили постройку театра не автору проекта, а местным подрядчикам. К тем примазались, как пишут, любители казённого пирога – и в результате получилось здание уродливое, ненадёжное в техническом отношении. На некоторое время оно было приспособлено под склад сена для пожарных лошадей. На постройку театра ушло значительно больше средств, чем предполагалось (103147 руб., а ремонт здания стоил ещё 4311 руб.). Затем, после его реставрации, рыбинские управленцы сочли, что в здании можно поместить вместе с театром и городской ломбард.

Другая модная архитектурная магистраль – ретроспективизм, русский стиль: попытка усвоить новым строениям вкус древнерусского зодчества. В Рыбинске ее представляют Никольская часовня (1867), церковь Спаса Нерукотворного (1868), железнодорожный вокзал архитектора Карла Рахау (1870), отделение Государственного банка (1880-е), церковь Тихона Задонского (1882), тюремная церковь Александра Невского (1902), молельный дом Троицкой старообрядческой общины (1909)...

И, наконец, Новая хлебная биржа (1912) по проекту московского архитектора Александра Васильевича Иванова. Деловые, коммерческие интересы в ее декоративном облике рядились под богатые боярские палаты. Ажурные и роскошно декорированные фасады, украшенные кокошниками и гребнями, придали зданию вид терема. Высокие стрельчатые окна, островерхие башенки и необычные клинчатые крыши напоминали о готических замках. Масивный гранитный фундамент, защищающий биржу от весенних разливов, делал ее похожей на крепость. Интересны поливные изразцы и мозаичные вставки. С Волги облик Новой биржи дополнял высокий, облицованный серым гранитом балкон. По словам реставратора Натальи Гончаровой, *«древнерусские» архитектурные формы придали чинному облику города живописный шарм «седой старины»*. Стоит заметить, что при строительстве были использованы передовые технические достижения и обеспечено хорошее качество постройки, что для гражданской архитектуры старого Рыбинска – скорее исключение, чем правило.

В 1870-е -1900-е годы начали ценить фактуру кирпича. В ней была честная точность. Штукатурка кажется теперь попыткой обмануть взгляд, скрыть от него конструктивную идею здания. К тому же кирпичная облицовка была дешевле и надежней. В Зачерёмушном районе в 1901 году была построена тридцатиметровая водонапорная башня, это, в сущности, безупречный архитектурный шедевр (ул. Куйбышева), напоминающий башни городских укреплений. Автором проекта башни и водопровода является, вероятно, инженер, выпускник петербургского института гражданских инженеров Виктор Нильсен, обрусевший немец или датчанин, сын лютеранского пастора. Свидетельством его участия в проектировании рыбинского водопровода является книга «Описание и расчет устройства водопровода в городе Рыбинске с приложением атласа чертежей. Составлено гражданским инженером В.А. Нильсеном», изданная в местной типолитографии Германа и Ольги Фальк в 1901 году. Иногда авторство башни приписывают также весьма искусственному в архитектуре ярославскому губернскому инженеру Адаму-Арнольду Еншу. Но мне кажется, что авторский стиль Енша несколько отличается от того, в каком выполнена рыбинская башня (сравниваю с его проектами в Костроме и Житомире). Енш вообще был лучшим в России специалистом по канализации и ассенизации, но эти его умения тогда в Рыбинске негодились. А Нильсен построил в Рыбинске также еще одно замечательное по архитектурным достоинствам здание, Карякинское четырехклассное училище. (Позднее в Мариуполе он проектировал водопровод и водонапорную башню, младшую сестру рыбинской. Она стала символом города в Приазовье. А сам Нильсен в 1930-х годах был обвинен в шпионаже с вытекающими последствиями.)

Появляются представительные здания в кирпичном стиле. Это, например, построенное на средства биржевого комитета коммерческое училище архитектора Ивана Окерблома (1905), здание Покровско-Вознесенского общества вспомоществования бедным (Фроловского при-

юта, 1891), дом Карякинского училища (1903), пивоваренный завод Ивана Дурдина (1878, 1907 архитектор Василий Геккер), мельница Ефрема Калашникова (1899). Нужно сказать и о католическом костеле Св. Сердца Иисусова в неоготическом стиле (1910), построенном по плану архитектора Павла Бартошевича.

Наконец, в досоветский период довольно громко прозвучал в Рыбинске стиль модерн. Это была последняя, наверное, попытка найти гармонию между материей и духом, свободой и конструктивной четкостью, но это уже и опыт создания целостного пространства, подчиненного закону красоты. Причем красота понималась обычно как нечто органическое, непринужденно-естественное (отсюда природно-растительные мотивы: волна, солнце, лианы, птицы...). Таков железнодорожный вокзал архитектора Симы Минаша (1905), во многом повторивший формы петербургского Витебского вокзала, в оформлении которого Минаш принимал участие. Парадный вход и вестибюль создают сильную доминанту в новом вкусе.

Дух модерна сказался и в формах пожарной каланчи архитектора Ивана Хотина (1912), дома Седовых и магазина купца Рябина на Крестовой архитектора Медведева (1904). В принципе наиболее органично модерн проявил себя в особняках, где была возможность обеспечить бескомпромиссное единство стиля снаружи и внутри. Однако интерьеры таких особняков в Рыбинске утрачены, так что можно говорить только о внешних формах зданий модерна: дома Рыбакова на Герцена, 3а; дома Эльтекова на Герцена, 23; дома Петрова на Румянцевской, 34...

Вторая половина XIX – начало XX века – ренессанс дерева как строительного материала. Рыбинские купцы строят себе дома из дерева в новом стиле, далеко от классицистического аскетизма, зато очень близком старинной традиции резных теремов и ярославского храмового зодчества XVII века. Новые строения имитируют эту старину, придавая ей, пожалуй, даже гипертрофированные формы. Это неистовое и неудержимое украшательство приводило к всевозможным изыскам. Окна с огромными резными наличниками, эркеры, украшенные фигурными башенками, да не по штуке, а по три-четыре. Навесные щипцы со столбиками и кронштейнами-гуськами. Кованые навесы над входом. Ворота и калитки. Стены то зашиваются доской, то обнажают бревенчатую сборку. Дерево предьявляет свою фактуру; дома снаружи расцветают нарядными узорами, а внутри могли иметь чистую тесовую обшивку.

Утверждают, что с XVI века волжские расшивы было принято украшать затейливой резьбой. Считалось, что она помогает кораблю подняться против течения. Лучшие специалисты по топорной работе занимались именно расшивами. А когда в 1870-е годы пароходы вытеснили с Волги и Шексны деревянные барки, мастера разбрелись в поисках заработка, и в деревянном зодчестве наступила тридцатилетняя эпоха великолепных резных наличников.

Многие дома в XX веке были утрачены. Но некоторые из таких зданий сохранились. Это, например, дома купца Романова на Гоголя, 21; больница судорабочих на Бурлацкой, 25; дом Копылова (Герцена, 8); дом Цехового (Румянцевская, 22); дом Буренина (Радищева, 12); дом Нецветаева (Радищева, 6), дома на улице Правды, 6 и 17... Дом художников на Пушкина, 52 воспроизводит облик дома Копылова (Гордеева).

Когда в XX веке торговое и религиозное значение Рыбинска ослабло, старый центр потерял былое значение. С развитием города активная жизнь утекала в сильной мере в новые районы. К тому же эпоха не жаловала прошлое и не ценила его архитектурные декорации. Исторический центр Рыбинска не был радикально перестроен, он сохранился целыми кварталами XVIII–XIX веков и сегодня являет собой яркий пример классической провинциальной застройки. Герчук и Домшлак писали: *«Город рос, становился промышленным, застраивались многоэтажными кварталами далекие окраины, а центр, сформировавшийся в первой половине XIX века, остался почти нетронутым. Он сохранил не только отдельные здания, но нечто более важное – общий облик, общий характер старого города, ясную логику его планировки, его*

некрупный масштаб, цельность и единство застройки, которую не нарушают и отдельные позднейшие здания, если они подчинялись этому масштабу. Так вписался в ансамбль улицы Ленина и по-своему обогатил ее строгий конструктивистский кинотеатр начала 30-х годов».

Но утраты велики. Например, не сохранились здание рыбинского театра, памятник царю-освободителю Александру II работы Александра Опекушина. Снесены многие храмовые сооружения, в том числе – имевшие доминантное значение колокольня Казанского прихода и Крестовоздвиженский храм, храм во имя Нерукотворного образа Христа Спасителя. Рельеф города сравнительно с XIX – началом XX веками сильно обеднен.

До последнего времени исторический центр города выглядел довольно уныло. Особенно в середине XX века: фотографии той эпохи фиксируют износ и разрушения; удручающее впечатление производит Спасо-Преображенский собор без куполов, с каким-то странным навершием.

Ощущение запущенности, особенно на фоне довольно благополучных новых кварталов, посещало меня, когда я оказывался здесь и в 1980-х годах, и после. Обшарпанные фасады, разрушающаяся кладка, выбитые окна, провалы в стенах и крышах, неровные слои краски, надстроенные в советские времена этажи, уродующие особняки... Может, трущоб и не становилось больше, но прибавлялось пустырей на месте деревянных строений.

Существование в центре города очагов культуры не решило проблемы сохранения и развития здесь городской среды в принципе.

Конечно, мы найдем руины и в Италии или в Лондоне. Но все же есть в рыбинских развалинах какой-то дополнительный привкус бедности. Ее еще предстоит победить. Взались за это дело совсем недавно. Пока что и ныне в Старом городе избирательно даются указания на богатый и успешный город.

Старый Рыбинск иной раз существует как бы вне времени и пространства – это будто гаснущий след Рыбинска столетней давности. Многие как будто застыло – словно и нет рядом пульсирующего, энергичного, современного Рыбинска. Но в нашем веке ситуация меняется, и теперь мы отчетливей, чем прежде, осознаем, что это – настоящее сердце Рыбинска, средоточие его душевных энергий, его память, его чувствилище.

Исторические потрясения резко поменяли облик города. Строения советской эпохи вторгаются в историческую часть города, а новые районы созданы исключительно в советский период. В советскую эпоху облик города подчинен воле государственных институций, а затем также и руководителей советских предприятий.

На запад и восток от центральной части, в основном вдоль берегов Волги, за другими реками, на хвостах Крестовой улицы, начинается Новый город. Это сегодня город советской постройки. Вдоль продолжения главного проспекта, пересекающего центр, выросли жилые кварталы и обширные промзоны. Новый город устроен вполне в духе своего времени. Сегодня он – памятник индустриальной эпохи со всеми ее противоречиями. Мир развития и стандартов.

Наш ландшафт – *«пространство энтузиастической воли»*. Советская урбанистика, как говорят, выросла когда возникла необходимость развивать производства, то есть организовывать человеческую массу, притирая ее к заводским требованиям. Доставить к восьми утра на проходную завода сразу тысячи человек, плюс к тому расселить, накормить их, обеспечить им медицинскую помощь, одеть, обучить их потомство, наконец, похоронить их по-человечески.

Система советского градостроения абсолютизирует индустриальный стандарт. Она была заложена еще в 1930-х годах и окончательно оформилась в середине века с переходом к индустриальному домостроению. Типовые дома выстраивались в типовые микрорайоны, которые в свою очередь объединялись в стандартные жилые районы. Есть по-советски центральные улицы и районы (широкие проспекты, правильные прямоугольники и квадраты кварталов, кир-

пичные здания в стиле сталинского ампира, впечатляющие громкой фасадной монументальностью) со скверами, скульптурами и площадями. В хрущевские времена началось массовое строительство, когда из бараков и коммуналок люди переселялись в собственные квартиры в убогих на нынешний взгляд «хрущобах». Есть и довольно добротные, хотя однообразные, выделяющиеся разве что рисунком на стенах, дома второй половины XX века; амбициозны общественные пространства той поры.

Особенно бурно город рос с середины XX века. Появившиеся в это время кварталы обязаны своим видом неплохим ленинградским зодчим, лишенным, однако, активной творческой инициативы, загнанным в рамки стандартов и норм, геометрической эстетики и жесткого функционального подхода. В большинстве новые районы созданы по типовым проектам, разработанным специалистами института «Ленгипрогор» под руководством Г. Бишко. Образ позднесоветского Рыбинска мало отличается в итоге от облика многих других городов СССР с их спальными районами, в том числе и от ленинградских районов, созданных при участии того же Бишко. Когда я бываю на питерском проспекте Ветеранов, я угадываю там что-то явно рыбинское.

Здесь, в Новом городе, основные акценты имеют индустриальный характер, связаны с предприятиями, их производственной инфраструктурой, а также социальной сферой, культурным сопровождением (дворцы, клубы, магазины, детские сады и проч.).

В первые советские десятилетия ничего особенно дельного и замечательного в архитектурном отношении в городе создано не было. Интересен дубль архитектора И. Князева: он практически единообразно спроектировал ярославский клуб «Гигант» (1934) и кинотеатр «Центральный» в Рыбинске (1932). Но «Гигант» расположен довольно далеко от центра Ярославля, а здание кинотеатра в Рыбинске по принципу контраста врезано в старую застройку как странный гость из идейно вычищенного будущего. Аскетичная конструктивистская форма здания давала возможность использовать глухие поверхности стен для наглядной агитации: размещения лозунгов и портретов вождей. Логика рационалистически высчитанной целесообразности, эстетика лаконичной формы здесь торжествовали. Конструктивисты считали, что архитектор должен конструировать объемно-пространственное решение здания, исходя из функций отдельных частей, уподобляясь инженеру, создающему новый механизм. Образ архитектурного сооружения должен стать результатом оптимального решения функциональных задач. Можно согласиться с однофамильцем Князева, современным петербургским архитектором, который определяет конструктивизм как «архитектуру второго сорта»: *«Он возник как ответ на политический заказ: ветерану, вылезшему из окопов Первой Мировой, надо было дать унитаз и все прочее и при этом еще внушить, что все ужасы позади, а впереди – светлое будущее»* .

Дворец культуры моторостроителей (1932–1937, комплекс «Авиатор») на проспекте Ленина также представляет собой своего рода дублет. Яков Корнфельд спроектировал его по типу своего дворца культуры имени Горбунова в Москве (1938). Две части: театральная и клубная; суховатый рельеф фасада, напоминающий о конструктивизме, но уже оснащенный некоторыми излишествами (ордерный декор, восьмиколонный портик, колоннада с пальмовыми листьями, аттик со скульптурным горельефом А. Белобородова). Пострадавшее от бомбардировок здание было перестроено внутри в 1950-х годах. А потом, в 1970-х – 1980-х годах здание облицевали светлым туфом и застроили аркаду, над которой висел двухэтажный мост между двумя частями дворца.

Монументальный акцент в западной части города появился после завершения строительства комплекса шлюзов и плотины водохранилища (Дмитрий Савицкий, Моисей Шпекторов). Комплекс шлюзов – симметричная композиция. Три башни зданий управления соединены между собой мостиками. В совокупности композиция шлюзов напоминает собой фраг-

мент замка с оборонительными сооружениями, оснащенный ренессансно-классицистическими цитатами.

В Рыбинске много жилых зданий в стиле сталианс (сталинский классицизм / ампир). Державно-эпический пафос этого стиля, однако, сглажен в Рыбинске за счет иного масштаба. Здания здесь, как правило, некрупные. И украшений меньше. Это очень скромный сталианс, иногда вплотную приближающийся к стильной архитектуре барских усадеб старой поры (дом инвалидов на Гагарина, 11 архитектора Ивановой-Красиной, 1959).

Лучшее сооружение за весь советский период – это мост через Волгу инженера Евгения Уланова (1963). Это лаконичная и притом эффектная композиция из шести железобетонных арок, две из которых возвышаются над дорожным полотном там, где проходит фарватер, как крылья чайки.

Увы, многое остальное в тогдашней архитектуре грешит упрощенно-грубоватой трактовкой объема, стандартностью форм.

Дворец спорта «Полет» (1978) создан по типовому проекту, но был сильно доработан. Он стал крупнее за счет стилобата, наряднее за счет дорогих материалов (гранита, туфа, базальта), а главное – полукружия его огромных арок рифмуются с аркадой улановского моста. Такие лейтмотивы и переключки очень ценны для цельного восприятия города.

Считают, что промышленное предприятие производит удручающее впечатление своими коптящими трубами, запахами, уродливыми агрегатами. Это не всегда так. Есть особая, индустриальная эстетика. Так, рыбинский пивзавод (1878, проект Василия Геккера) напоминает *«самый настоящий дворец – с башенками, флюгерами, всяческими коваными и литыми штучками. Скорее даже не дворец, а средневековый средиземноморский замок»*. А вид рыбинского моторостроительного (НПО «Сатурн») навевает мысли о промышленном сюрреализме: переплетение конструкций и труб, переходов и коммуникаций создает впечатление разумно организованного города – с улицами, проспектами и перекрестками.

Соцгород был предназначен в первую очередь для осуществления утопии, создавался для решения государственных задач – и не был приспособлен для нужд рядового человека. В нем была крайне слаба инфраструктура торговли, не было офисных площадей, банков, диверсифицированного рынка жилья, парковок, транспорт был в основном общественный и т. д. Лишь к 1970-м – 1980-м годам мировоззренческая основа градостроительства стала разворачиваться в сторону человека – к формированию более благоприятной для горожан среды обитания.

Еще в досоветское время городское пространство потеряло целостность. Когда-то центральную часть города окружали слободы. В конце XIX века возникла Хомутовская слобода. *«Рыбинский иллюстрированный календарь на 1902 год» констатирует: «Возникшая всего каких-нибудь 6–7 лет назад на земле помещика Хомутова, эта слобода в настоящее время (1902–1903) имеет 300 жилых построек и 3000 жителей. В слободе в настоящее время обитают, главным образом, железнодорожные служащие и рабочие. Многие из них обзавелись тут собственными домами, пользуясь сравнительной дешевизной земли, которая сдается г. Хомутовым, в аренду за плату от 15 до 25 руб. в год сроком на 12 лет. Дороговизна квартир в городе, ценность которых поднялась за последние годы, принудила многих коренных обывателей города выселиться в эту слободу, где квартиры ходят по значительно более умеренным ценам»*. За Хомутовской слободой, ближе к железной дороге, располагались Сыроежинская и Сорокинская слободы, а также небольшой холм – Скоморохова гора. Как пишет Марк Портер, *«за железнодорожным вокзалом, вокруг Георгиевской церкви, – Георгиевская слобода. Рядом с ней по Угличскому тракту – Жуковская. Это были небольшие слободы. Большая рабочая слобода – Пахомовская – возникла за ручьем Дресвянкой, по левому берегу Коровки. Названа она была так по фамилии владельца тамошней земли. И сейчас мост через Дресвянку, за заводом «Раскат» (бывший завод дорожных машин), называется Пахомовским. Небольшие слободы были и в Зачеремушном районе: Папушевская – на берегу Черемхи, за нынешним речным учи-*

лицем (теперь там улица Вихарева); Солдатская – за Инвалидной улицей (ныне улица Куйбышева). На восточной окраине города, вдоль Ярославского тракта до реки Уткашь, располагались слободы «Веселые острова» и Ягутка. Одно время, в середине 20-х годов, Веселые острова и Ягутка вместе со Смердино и Новым Починком назывались Радищевской слободой...»

А в советские годы сложился не единый новый город, а возникли несколько центров, городов в городе, каждый из которых (исходно в качестве рабочего поселка) был связан с одним предприятием или несколькими производствами. Традиционные отношения таких локальных образований и города в целом противоречивы: каждая индустриальная ячейка норовила развиваться автономно, за счет собственного отраслевого бюджета, как вполне самодостаточная инфраструктура, а горизонтальные соседские связи были ослаблены. «Единица пространства – зона, т. е. область решения задачи, статусно и физически изолированная, – писал вообще о советском ландшафте Владимир Каганский. – Вместо взаимосвязанных соседних мест – самообеспечивающиеся ячейки, а соседство обязывает к забору... Советский ландшафт в принципе автаркичен, его ячейки самодостаточны». Сильные ведомства в своих ячейках имели почти все – «от собственных вузов и бытового обслуживания до выращивания цветов»...

Привычка и сейчас межует городское пространство на ряд микрорайонов, каждый из которых складывался в определенной ситуации и имеет свою специфику. Причины образования этих районов уже вторичны, они существуют часто как данность.

К западу от центра находятся микрорайоны Северный, Веретье, Новое Веретье, Переборы. К востоку расположены микрорайоны Полиграф (Зачеремушный), Копяево, имени Кирова, посёлок Ягутка. К югу от центра находятся Гагаринский район, Мариевка, Запахомовский район, Скоморохова гора. На левом берегу Волги располагаются микрорайоны Волжский, ГЭС-14, Заволжье, Слип.

У каждого из этих поселков-микрорайонов своя судьба. Некоторые из этих названий хранят легендарную память о былых и небылых.

Уроженец Рыбинска поэт Алексей Витаков рассуждает о Скомороховой горе: «Ведь кто такой скоморох? Это абсолютно вольный человек. И еще... Где было единственное место, куда раз в год на Масленицу собирались скоморохи со всей России-матушки? В Рыбинске, на Скомороховской горе. Я вырос в этом городе. А скоморохи туда, на гору, съезжались, блины там жарили. Они ведь еще и язычники были – носители той, древнерусской этнографии, которая от нас сейчас очень далеко. Первые этнографы Руси. Старики рыбинские помнят, что они еще в сороковые приезжали на Скомороховскую гору. А когда страсти накалялись, или дразнить попов!» А краевед Владимир Рябой напоминает о других многозначительных фактах: названия многих деревень в Рыбинском уезде были связаны со скоморошеством (Дудница, Скоморохово, Архарово, Баенково, Блудиново, Говорово, Гостилово, Позиралки, Скоково, Скоморохово, Шишелово). Уникальная концентрация специфических топонимов!

Микрорайон Скоморохова гора – из самых молодых в городе. Современное поселение – это в своем первоначальном замысле жилой район моторостроительного объединения. Его броской достопримечательностью является своеобразный монумент, фиксирующий связь района и завода: в 1983 году на площади возле улицы Черкасова установлен «настоящий самолет ТУ-104А с двигателями рыбинского производства». Он стоит носом к центру города и в определенном ракурсе благодаря перепаду высот кажется летящим. С конца 1970-х годов Скоморохова гора застраивалась стандартными 9-16-этажными панельными и кирпичными многоквартирными домами.

Микрорайон Северный прилегает к Волге к северо-западу от городского центра и ограничен с юга проспектом Ленина. Район образовался из нескольких рабочих слобод. Севернее моторостроительного завода в 1930-е годы возник поселок Северный, а после Второй мировой войны ещё севернее возникли Новый и Шлакоблочный посёлки катерозавода (сейчас ОАО ССЗ «Вымпел»), позже были построены дома строительного треста № 16. Юго-западнее Север-

ного расположен микрорайон *Веретье-1*. На этом месте находились деревни Веретье и Гладкая. Во второй половине 1960-х годов, началась застройка микрорайона пятиэтажными домами-хрущевками.

Юго-восточнее городского центра, за рекой Черемухой расположен микрорайон *Зачерёмушный (Полиграф)*. Первые постройки здесь появились в XIX веке. Но особенно с 1930-х годов он развивался в тесной связи с появившимся здесь заводом полиграфических машин.

Микрорайон *Переборы* – это дальний запад города, на правом берегу, выше плотины водохранилища. Можно сказать – с выходом в море. С XVIII века здесь существовала деревня Перебор. (По легенде, свое имя она получила из-за того, что она сама или ее жители были проиграна в карты. По другой же легендарной истории – из-за того, что пассажирам судов, следующих в Мологу, приходилось здесь перебираться по суше от Фоминского ручья до устья Юги, потому как Волга в этом месте была мелка.) Происхождение современного района связано с грандиозным проектом 1930-х годов. В 1935 году возле деревни началось строительство гидроузла. Строили дамбу и шлюзы в основном заключенные ГУЛАГа. Для обеспечения стройки рабочей силой возле микрорайона появляются лагеря Волголага, а в поселке Переборы, вошедшем в 1944 году в черту города, размещаются приёмный лагпункт и управление лагерями. В Переборы прокладывают железнодорожную ветку, строят дома для охраны и вольнонаемных. После завершения строительных работ на гидроузле поселок был перепрофилирован в духе индустриальной эпохи. В 1949 году неподалёку строится филиал завода «Москабель», впоследствии ставший кабельным заводом. Кроме кабельного, в микрорайоне в это время находились рыбный завод и завод гидромеханизации.

Микрорайон *Волжский (ВМЗ, «Мехзавод»*, на местном жаргоне – «Механа» / «Механа Сити») расположен у подножья плотины на острове между Шексной и Волгой и вытянут вдоль волжского берега на шесть километров. Он возник как рабочий поселок механического завода. В 1980-е годы поселок быстро развивался за счет своего особого статуса. Завод принадлежал обладавшему огромными ресурсами министерству среднего машиностроения, а потому жители микрорайона с населением 26 тысяч человек в эпоху нехваток и дефицита даже имели «московское» продовольственное обеспечение. Здесь строили, наверное, лучшее в Рыбинске по тем временам жилье, росла инфраструктура. Одна из доминант – спортивный комплекс «Металлист» с игровыми и тренажерными залами, бассейном, катком и стадионом (его трибуна вмещает три тысячи человек).

Наособицу расположен район *ГЭС-14*. Он находится на острове между Шексной и Волгой, на левом берегу Волги у плотины водохранилища. Спроектировали и строили микрорайон на средства министерства энергетики СССР для обслуживающего гидроагрегаты ГЭС персонала. Замысел вдохновлялся идеями архитектурных и социальных мечтателей рубежа XIX-XX веков, вроде Эбенезера Говарда с его книгой «Города-сады будущего» (1898). Говард представлял свой идеальный город очень конкретно – как круг радиусом один километр, в самом центре которого помещается парк. Его окружают концентрические круговые жилые зоны малоэтажной застройки с приусадебными участками.

У ГЭС был задуман город-сад для гармонической жизни людей, объединенных общими интересами, в союзе с природной средой. *«Небольшие кварталы образуют двухэтажные дома. Улицы больше похожи на парковые аллеи, Дом культуры – на дворянскую усадьбу. Жилые дома поселка построены в неоклассическом стиле, с большими лоджиями, оформленными в виде античных портиков: псевдоколонны с дорическими капителями, фигурные балюсы балконного ограждения».*

Ну а район Слип на Левобережье возник на месте нескольких деревень. Само название микрорайона связано с его появлением в качестве рабочего поселка возле судовой верфи братьев Нобель, позднее судостроительного завода имени Володарского. Сначала там хранили горючесмазочные материалы. Затем завод начинает производство речных барж. Слипом называется

устройство (стапель), по которому суда на тележках, катящихся по рельсам, спускаются в воду. Стапель (от голл. stapel), а также стапельный помост – сооружение для постройки судна и спуска его на воду. Большую часть его населения составили переселенцы из зоны затопления Рыбинским морем. Некоторые улицы названы по имени потопленных селений (Мологская, Никольская, Аббакумовская, Башаровская, Карпунинская, Глаголь).

В 1939 году территория Рыбинска была поделена, исходя из индустриальной топографии, на три административных района, названных в честь тогдашних вождей: Молотовский, Ворошиловский и Сталинский. В 1944 году к ним присоединился Шекснинский. Это искусственное районное деление было ликвидировано в 1948 году. А образованные в 1972 году Пролетарский (восточная часть города) и Центральный (западная часть) районы просуществовали до 1989 года. Сейчас Рыбинск является единым административным пространством, районного деления в нем больше нет. Но как его собрать заново не просто административно, а и ментально, культурно? Особенно теперь, когда постсоветский период часто возвращает нас к всевластию заказчика.

Город – зеркало определенного социального устройства. В XXI веке облик Рыбинска снова и резко меняется. Трансформация общественного пространства, происходящая в последние годы, отражает превращение города заводов, города государственных учреждений в город, отвечающий самым разным ожиданиям, не сведенным воедино, город как многофункциональный и многопрофильный трансформер. Такому городу нужны уже и банки, и гостиницы, кафе и рестораны. Он размещает своих жителей не только в многоквартирных зданиях типовой застройки, а и в частных домах и особняках. Предпочитает не стадионы, а оздоровительные учреждения и центры фитнеса. Его улицы служат не столько для общественного транспорта, сколько для транспорта массового индивидуального... Город обновляется и переформируется в соответствии с новыми запросами в сфере бытовых услуг, потребления и индустрии развлечений.

На главных улицах растут, как грибы после дождя, кафе, рестораны, другие досуговые учреждения. Новые акценты дают в Рыбинске торговые центры – это универсально-космополитическое пространство шопинга, характерное для современного общества потребления. Крупнейший такой центр – «Космос», на улице Максима Горького в Зачеремушье. Но, как правило, торговые здания несут на себе печать довольно убогого функционального стандарта.

Стало ясно, что сооружения, содержание которых убыточно, должны быть возвращены в коммерческий оборот и приносить прибыль. Так исторически важные зоны, ранее бывшие для городской казны мертвым грузом, могут стать привлекательными участками на земельном рынке. Правда, новые собственники иногда довольно причудливо распоряжаются историческими реликвиями и антуражем. Скажем прямо, нередко портят внешний вид строений.

Новейший Рыбинск – это и особняки, офисы и малоэтажная застройка, островки благополучия на некоторых и центральных, и окольных улицах... По статистике, в 2008 году в Рыбинске было выдано 61 разрешение на строительство частных домов, в 2009 – 86, еще через год – 93, а в 2011 году – 120. Так, с конца 1990-х годов на проспекте Ленина, между улицами Зои Космодемьянской и Новой, ведётся строительство жилых домов бизнес-класса (в городе этот комплекс получил прозвище «Ласточкино гнездо» или – по цвету крыш – «Красные шапочки»). Новые здания, коттеджи иногда выразительны, иногда бесцветны или уродливы (к примеру, на Карякинской улице), при всей своей пафосности, а общее впечатление – пестрое. Интересы инвестора, вкладывающего деньги в строительство, часто доминируют – как раньше государственные – над любыми другими, в том числе и над интересами жителей. Поиск своеобразно-рыбинского в современной архитектуре города только начат. Среди новейших построек справедливо отмечают гостевой дом НПО «Сатурн» (2000, архитектор Юрий Панюхин), банк на Пушкина, 11 (1998, архитектор Валерий Семенов).

И советская застройка никуда не делась, но, благодаря неповторимому колориту времени и места, преобразуется – за счет разных декоративных акцентов, вывесок, объявлений, рекламы... Банальные пятиэтажки начинают играть разноцветными вывесками; появляются фонтаны и скверы. Хотя и совсем ветхих построек в центре города еще немало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.